

Староста Монк поднялся на сцену, встал между устроившимся в кресле отцом Даном и сидевшим на стуле мутантом.

Андрей поерзал. Подумал: хорошо, что он проходит всего лишь свидетелем, а не соучастником, как грозил ему отец Дан.

Староста Монк медленно оглядел собравшихся в зале людей.

– Сегодня мы собрались здесь, чтобы принять общее решение, – сказал он. Сделал внушительную паузу. – Давным-давно мы не получали никаких вестей снаружи. Принято считать, что кроме нас в живых не осталось никого. Мы должны выслушать сообщение, что принес нам мутант, а потом все вместе решить, что нам делать.

Он прокашлялся.

Повернулся к сидящему на стуле мутанту, как бы предлагая всем на того посмотреть.

Размером мутант был меньше любого человека. У него были неестественно тонкие ноги и руки, странно деформированное тело – сверху раздувшееся, снизу – там, где ноги крепились к телу, – раздавшееся вширь. На нем был не плотного материала комбинезон с запасными баллонами у пояса, как у любого из присутствующих, а какие-то тряпочки, едва прикрывающие тщедушное тело. На голове у него, в отличие от сидящих в зале, была плотная грива волос – видимо, это было вызвано радиацией.

Он был похож на человека и в то же время нет. И эта похожесть и одновременно непохожесть внушала Андрею странное чувство, название которому он подобрать не мог, – от него начинали дрожать поджилки, бурчало в животе, и по спине волнами бегали мурашки.

– Он считает, что мы последние оставшиеся на Земле, – сказал староста Монк. – Он утверждает, что Земля очистилась от химии и грязи, а все, что мы видим вокруг, якобы производит наш бункер. И он хочет, чтобы мы отсюда ушли.

Слушатели загудели.

– Великий Нил предупреждал о таком, – просипел отец Дан. – Говорил, что рано или поздно мутанты придут и попытаются отсюда вас выманить.

Он погрозил мутанту кулаком.

– У-у, дьявольское отродье!..

Андрей подумал, что зря он отвел мутанта к старосте Монку. Нужно было просто его прогнать. Или

Он был похож на человека и в то же время нет

пристрелить – все милосерднее, чем держать его сейчас здесь.

Мутант закинул ногу на ногу и с умеренным интересом разглядывал зал. Ноги у него были тонкие и безволосые, не такие, как у людей. Наверное, это тоже было из-за радиации.

– Выманят, а потом перебьют, – продолжил отец Дан. – Поодиночке или всех вместе. А может, будут пытаться. – Он прокашлялся и добавил: – Ради забавы.

По рядам прокатился недовольный ропот.

– Мы должны принять решение, – повторил староста Монк.

Перевел взгляд на Андрея и, тяжело роняя слова, сказал:

– Свидетель, поднимитесь на сцену. Андрей встал и поднялся на сцену.

Он знал, о чем его будут спрашивать, и ему было неудобно. Он нарушил приказ, он мутанта, как полагалось, не отогнал, а вступил с ним в контакт и даже привел потом внутрь бункера – святая святых каждого человека.

– Рассказывай! – строго сказал староста Монк.

Отец Дан сверкнул глазами.

Андрей стал рассказывать.

О том, как впервые увидел мутанта – тот вышел к нему прямо

из ядовитого облака; как он сначала, как положено по уставу, спросил его, понимает ли он речь, и если понимает – пусть уходит. Как, не дождавшись ответа, – опять же по уставу, – сделал предупредительный выстрел в воздух. Как потом, когда он уже собирался стрелять на поражение, мутант вдруг с ним заговорил. От неожиданности Андрей опустил автомат – все ведь знают, что мутанты разговаривать не умеют и человеческую речь почти не понимают, ну и...

– Почему же ты не застрелил его после? – прохрипел отец Дан. – Ты ведь мог!.. Он, наверное, для того и выучил нашу речь, чтобы до нас добраться... чтобы нас выманить и перебить...

Все согласно зашумели.

Сидевшие на первом ряду Петр и Гор – товарищи Андрея по комнате – дружно сплюнули на пол.

Староста Монк укоризненно покачал головой.

Мутант посмотрел на Андрея – так, что у него по спине пробежала очередная волна мурашек и задрожали колени.

«Гипноз, это точно гипноз, – подумал он, непослушными руками ощупывая ноги. – Зря отец Дан в него не верит».

– Продолжай! – велел староста Монк.

Андрей продолжил.

Рассказал, о чем мутант его спрашивал, и что он ему отвечал.

Сколько их здесь?

Андрей сказал, что их сорок четыре человека.

Знает ли Андрей, что их бункер единственный из найденных, в котором остались живые люди?

Андрей сказал, что они – об этом ему точно известно – единственные

выжившие на Земле. Связь с последним бункером пропала тридцать семь лет назад, последнее сообщение из него было отправлено автоматом.

Мутант сказал, что они – не единственные. Выжившие есть – они прятались в горах.

Он, мутант, и есть один из них.

Их очень мало.

Они проверили все известные им места, где могли прятаться люди, и никого живых не обнаружили.

Их бункер – последний. И они – живущие в бункере и выжившие в горах – скорее всего, последние люди на Земле.

Им нужно объединиться и сообща сделать так, чтобы человечество не исчезло совсем.

Мутант пришел один – за время странствий по полуострову они понесли потери и не могли больше рисковать. Радиационный фон поврежденного реактора очень высок, количество извергаемых им в окружающую среду отходов огромно, и им, если они хотят выжить, нужно как

Связь с последним бункером пропала тридцать семь лет назад

можно быстрее бункер покинуть.

– И ты ему поверил! – вскричал отец Дан, когда Андрей закончил.

– Нет, – неуверенно сказал Андрей.

– А почему же тогда отпустил? Почему позволил прийти снова? А потом еще раз?

– Ну-у... – замялся Андрей.

Что он мог сказать? Что и сам не знает – почему?

Что мутант оказался совсем не таким, как его описывали, – нет, он, конечно, был страшным, и при взгляде на него начинало трясти, но он не был, как бы точнее выразиться, опасным, что ли.

Он представил, как скажет такое старосте Монку. Или отцу Дану.

Мутант – и неопасный! Все знают, и в правилах это отражено, что мутанты опасны по определению. Что не бывает мутантов неопасных или каких-либо еще, мутанты бывают только живые или мертвые.

– Возможно, мутант что-то тебе обещал? – продолжил отец Дан. – Возможно, ты вступил с ним в сговор?

Мутант поправил прикрывающую верх тела тряпку и снова посмотрел на Андрея – у того опять онемели ноги.

Ни в какой сговор Андрей, конечно, не вступал – так он отцу Дану и сказал.

А то, что мутант ему обещал, – так из его слов Андрей все равно ничего особо не понял.

– Сатанинское отродье! – хрипло выдохнул отец Дан.

Раздался сигнал, возвещающий о том, что пришла пора принять каждодневную дозу, и все, в том числе Андрей, староста Монк, отец Дан, дружно запрокинули головы, подняли руки и выщелкнули из нарукавников на языки пилюли.

– И ты привел его сюда, к нам, – после того, как утихло эхо от дружного общего глотка, с выражением вселенской усталости на лице констатировал отец Дан.

Андрей кивнул. Он мог бы сказать, что, несмотря на то что не понял мутанта, слова его, тем не менее, показались ему убедительными, но говорить этого не стал, потому что не знал, как и чем эту убедительность объяснить.

Внешним видом мутанта? Его голосом? Его движениями? Все это было не таким, как у людей, все это было другим, чужим и, следовательно, объяснением служить не могло.

Староста Монк кивнул мутанту, отец Дан вперил в того взгляд, показывая таким образом, что пришла его очередь говорить.

Мутант перекинул ноги и изобразил на лице готовность слушать и отвечать.

– Так все и было? – грозно спросил староста Монк.

Мутант кивнул и принялся рассказывать то же самое, что уже рассказывал Андрей.

Голос у него был слабый, тонкий, дрожащий – дрожащий вовсе не от страха, он всегда у него был таким.

Да, они пришли с гор.

Да, никого кроме них здесь, скорее всего, не осталось.

Да, Земля очистилась – остались только области вокруг таких бункеров, как этот.

Да, им нужно, если они хотят выжить, бункер покинуть – он опасен и скоро станет опасен смертельно.

Им нужно всем вместе попытаться возродить человечество.

Его никто не перебивал, а когда он закончил, отец Дан презрительно процедил:

– Мутант, ч-черт...

– Я не мутант, я же уже говорил, – спокойно сказал пришелец.

Отец Дан издал серию невнятных звуков.

– Зовите меня, – мутант сделал паузу, – Ян.

Он оглядел зал. Вдруг добавил:

– Я видел здесь у вас агрегат...

Он неопределенно повел тонкими руками.

– Комбинатор, – подсказал Андрей.

Староста Монк метнул в его сторону не предвещающий ничего хорошего взгляд и процедил:

– Ты водил его к комбинатору?

Андрей прикусил язык.

– Комбинатор, – задумчиво повторил Ян, – это, я полагаю...

– Это то, с помощью чего возродится человечество! – с нотками торжества в голосе провозгласил отец Дан.

– Это то, с помощью чего выживаем мы, – добавил староста Монк, – и выживаем уже четыреста лет!

Мутант покаял каким-то своим мыслям. Спросил:

– У вас ведь был сбой?.. Четыреста лет назад?..

(Об этом ему рассказал Андрей.)

– Был сбой, но мы выжили, – важно сказал староста Монк, с таким видом, будто в том, что они выжили, была лично его заслуга.

– И второй комбинатор вышел из строя?.. – продолжил Ян.

– Ты водил его и ко второму комбинатору? – на этот раз возмутился отец Дан.

Комбинаторов в бункере было два: один, под литерой «М», уцелел, второй, под литерой «Ж», вышел из строя.

Комбинаторы были святая святых бункера. Если реактор был его сердцем, сам бункер – спасительной оболочкой, то комбинаторы были самой жизнью – так говорил отец Дан.

На какое-то время воцарилось молчание.

Отец Дан и староста Монк переводили недобрые многообещающие взгляды с Андрея на Яна и обратно.

Ян спокойно оглядывал зал, Андрей молча смотрел на колени Яна – так ему было почему-то

легче, что-то в них было, в этих коленах, что-то успокаивающее и притягательное.

Нарушил молчание мутант.

– Это то, с помощью чего возродится человечество, – повторил он слова отца Дана.

Отец Дан открыл было рот, староста Монк тоже открыл рот и даже успел издать некий звук, но Ян их опередил – он начал говорить.

Говорил он долго, неторопливо, и вроде бы слова были Андрею знакомы, вроде бы даже он улавливал смысл некоторых фраз и даже предложений, но общий смысл от него ускользал.

Ускользал он, впрочем, не только от него – он понял это, увидев выражения лиц остальных.

Только староста Монк становился все более задумчивым – будто вспоминал или пытался вспомнить что-то давно забытое, а отец Дан постепенно наливался кровью.

Понял, например, Андрей, что мутант Ян считает их комбинатор – их замечательный,

производящий на свет людей! – чем-то неправильным и даже противоестественным, но не понял, почему он так считает.

(«Сатанинское отродье!» – в этом месте твердил, терзая ткань брюк, отец Дан.)

Понял, что он предлагает какой-то другой способ их, людей, воспроизводства, и этот способ (вроде как) сработает, только если они выйдут отсюда, – по отдельности ни мутанты, ни люди в бункере сделать этого не смогут.

(«Этого он и добивается!» – со злобным торжеством кричал отец Дан.)

Понял про реактор – Ян снова рассказал им про реактор и о том, что им срочно нужно отсюда уходить.

– Так чего же ты хочешь? – устало спросил староста Монк, когда мутант закончил.

Лицо старосты выглядело постаревшим и измученным, таким, как будто он самолично перетаскал и поменял все фильтры бункера.

– Того же, что и вы, – твердым ясным голосом сказал Ян. – Возродить человечество.

Андрей сразу понял – да, так оно и есть.

Ян посмотрел на старосту Монка, на отца Дана, и безволосое лицо его стало печальным.

– Какой же это способ, дьявольское ты?!.. – начал отец Дан и захлебнулся.

Ян вдруг смутился. Поправил волосы и вдруг неуверенным голосом сказал:

– Я не могу объяснить. Во всяком случае, не сейчас. – Оглядел сидящих – бородатые лица разом вдруг напряглись. – И не здесь.

Отец Дан издал торжествующий возглас. Вскочил. Пробежал вдоль рядов, выкрикивая:

– Не может!.. Он лжет!.. Он хочет нас выманить!..

Потом замер и разразился речью.

Смысл ее, в отличие от смысла речи Яна, Андрей понимал хорошо.

Если бы не комбинатор, их бы здесь сейчас не было, сказал отец Дан.

Он – их спасение.

Если они уйдут, если они его бросят – очень скоро не станет и их самих.

Но если они останутся, если продолжат дело, которым занимались, если не поведутся на речи врага – сладкие речи, хитрые речи, – об их великом подвиге будут помнить всегда.

Им скажут спасибо благодарные потомки.

Радуйся, что не поставили к стенке

Закончил он словами о том, что никакому мутанту, даже хорошо подготовившемуся, не сбить их с пути – пути настоящего человека, воина и первопроходца.

Ответом ему был согласный дружный рев.

«Не сбить!», «Будут помнить!» – кричали сидящие.

Кто-то крикнул:

«Мутанта – к стенке!»

Ему в ответ крикнули:

«И к стенке того, кто его сюда привел!»

В общем-то, решать уже было нечего – все было написано на лицах сидящих. То, ради чего они собрались, можно было считать выполненным.

Это хорошо понимал Андрей, но, видимо, не понимал мутант.

Он снова принялся говорить, снова принялся объяснять, снова Андрей услышал об очищенной Земле, о том, что им необходимо покинуть погибающий бункер, что они многого не знают и многого не помнят – и там снаружи им все объяснят... Но его уже никто не слушал – всем было ясно, что он предлагал бросить святая святых бункера – его комбинатор, без которого жизнь невозможна и без которого они просто вымрут, и для общего решения этого было достаточно.

А что значит – воспроизводить людей по-другому?

Потом Ян принялся выкрикивать незнакомые слова, на лице его появились самые настоящие слезы, и он начал вдруг стягивать с себя одежду.

Ему быстро скрутили руки, связали, сунули в рот кляп и подтащили к выходу.

Староста Монк махнул рукой Андрею и Петру и велел им вытащить мутанта наружу и выбросить за ограждение.

И если тот еще раз появится – пристрелить.

Андрей, который до этого стоял и пытался понять смысл выкрикиваемых мутантом слов – странных, далеких и в то же время вроде бы когда-то слышанных, – понял, что спасен, что ему не будут предъявлять обвинений и не будут наказывать; понял, что мутант тоже спасен, –

по какой-то причине староста Монк решил его пощадить.

Быстро, пока староста не передумал, или пока его не заставили передумать остальные, подбежал к Яну, схватил его за плечо и потащил к выходу.

Они прошли коридором – Петр семенит сзади, – поднялись по лестнице, прошли шлюз, потом еще один и вышли на поверхность.

Ян первое время сопротивлялся, пытался что-то сказать – Андрей отрицательно мотал головой, приговаривал: «Радуйся, что не поставили к стенке, радуйся, что не поставили к стенке», и тащил его вперед. Останавливаться и медлить было нельзя, староста в любой момент

мог передумать, или кто-нибудь другой мог самовольно отправиться следом и попытаться мутанта прикончить – ни первого, ни второго Андрей допустить не мог.

Потом Ян успокоился, подчинился и только смаргивал слезы.

Они дошли до ограждения, за которым виднелось колышущееся зеленое марево с проступающими в нем очертаниями мертвых деревьев.

Андрей разрезал веревки, вынул изо рта Яна кляп.

Вдруг не удержался и поправил Яну волосы – те забились вместе с кляпом в рот; не удержался и вытер тому слезы.

Ян вдруг сказал:

– Пойдем со мной.

И посмотрел на Андрея так, что тот снова почувствовал, что теряет ноги.

Андрей сглотнул.

– Пойдем, – повторил Ян. – Я больше не могу быть здесь. Слишком высокий уровень радиации. Слишком много ядовитых выбросов – и будет еще больше.

– Зачем? – с трудом разлепив губы, спросил Андрей. – Ты же мутант, ты же...

Он осекся. Что еще такое Ян, кроме мутанта, он не знал.

Страшный?

Он уже не казался ему страшным, скорее наоборот.

Беспощадный?

Он...

Андрей осторожно провел пальцем по тонкой руке Яна – на коже того остался красный след.

– Дурак, – с совершенно вдруг незнакомой, от которой завибрировало все внутри, интонацией сказал Ян. – Какой же я мутант?

Расправил плечи, поднял голову.

Андрей сглотнул, махнул рукой Петру – тот ошивался поодаль, – мол, иди, я догоню.

Чувствуя, как заныл низ живота, посмотрел.

На видневшиеся между тряпками на груди Яна мягкие полушария (они и образовывали то самое расширение верха туловища). На его тонкую, гладкую, словно предназначенную для того, чтобы ее гладили и делали с ней что-то еще (что, он точно не знал, но что-то явно очень приятное), шею. На его торчащую в разрезе тряпки ногу – гораздо более тонкую, чем нога Андрея, и с гораздо более нежной кожей. На его полные красные губы – многообещающие губы, такие, за которыми – ухх!.. что именно за ними, он не знал,

видимо, язык, так же как и у всех, но стоило ему подумать, стоило этот язык представить, и он уже не смог видение этого языка от себя отогнать, так же как и видение того, что есть у мутанта в том месте, где соединяются ноги, – там тоже, черт возьми, было что-то многообещающее и притягательное!

Вспомнил вдруг выкрикиваемые Яном, перед тем как ему вставили кляп, слова.

Дрожащим голосом, не отрывая взгляд от рук Яна – тонких, блестящих, казавшихся сейчас почему-то сладкими, как выдаваемая им по воскресеньям карамелька, – спросил:

– А что такое «женщина»? И что такое «мужчины»? – испугался – лицо Яна исказилось, как будто он собирался снова плакать, но все же закончил: – И почему ты назвал себя женщиной?

А нас – мужчинами?

– Потому что я – женщина. –

Ян улыбнулся – плакать он и не собирался. – А вы – мужчины.

Произведенные на свет комбинатором с литерой «М».

– А что значит – воспроизводить людей по-другому?

Ян засмеялся.

Вдруг высунул красный влажный язык и облизал полные свои губы – и они тоже вдруг стали красными и влажными.

И от этого его смеха, от этого движения, от его позы – она вдруг неуловимо изменилась, Андрей вдруг весь напрягся – как-то по-особому, по-новому, очень приятно, – несмело взял Яна за руку, в последний раз оглянулся – на платформе выхода было пусто, открыл ворота, вывел Яна наружу, сжал его руку, и они вместе, сначала медленно, потом все быстрее зашагали между рыхлых зеленых туч. ■